

О “русскоязычных” и о “советском народе” (К вопросу о “новой исторической общности”)

А.Я.Якобсон

(Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН)

Выражение “новая историческая общность-советский народ” принято считать пропагандистской выдумкой застойных времен. Такая оценка представляется нам очень легкой.

Прежде всего, довольно плодотворно, если вдуматься, само понятие “новая историческая общность”. Его можно использовать для обозначения любых этнических общностей, не укладывающихся в привычные представления, согласно которым человечество однозначно делится на нации (народы, этносы) и каждой из этих наций соответствует определенный язык, своя территория и т.п.

Не будем пока упоминать ставшего несколько одиозным слова “советский”. Предвзятое же мнение исходит из того, что “советский народ” якобы представлял собой механическую совокупность народов, понимаемых как традиционные общности. Такое утверждение активно использовалось сторонниками распада Союза. Этому в немалой степени способствовал и сложившийся в СССР официальный подход, в соответствии с которым каждый гражданин имел однозначно вписанную в официальные документы национальность, а территория страны была разбита на якобы национальные образования, которые как бы отождествлялись с титульными народами. Это еще одна черта “совковости”, парадоксально обернувшейся “антисоветскостью”. Для “советского” в этой системе не оставалось места: человека, пытающегося объявить себя “просто советским”, официальный режим признать таковым отказался бы. А общественное мнение рассматривало “русскоговорящего” гражданина (будь то украинец, немец или еврей) как национально-несознательного.

Поговорим о другом социальном понятии, явно не вписывающемся в эту “совково-антисоветскую” схему - о так называемых русскоязычных. Этот термин, вообще говоря, не новый, стал очень популярным именно в последние годы, причем нетрудно заметить, что применяется он к трем различным группам населения.

Очень громко слово “русскоязычные” прозвучало примерно в 1987-1989 гг. в статьях авторов “Нашего современника” и других изданиях того же круга; прозвучало как уничижительное применительно к русским писателям нерусской национальности, прежде всего евреям. В “противоположном лагере”, демократическом и юдофильском, это вызвало протесты. Протесты обособленные, и все же... Приходится признать, что, как бы глубоко ни прониклись русской культурой Слуцкий или Бродский, Ивановыми они не стали. Другое дело, что Татьяна, Наталья, Вячеславу или Александру Ивановым Слуцкий и Бродский ближе, чем Анатолий Иванов. Но близость - не есть общность и уж тем более общность не полная. Потребовалось бы еще несколько шагов, чтобы уйдя от близости, прийти к общности.

Разумеется, речь идет не только о писателях и не только о евреях. В России живет большое количество “инородцев”, для которых русский язык родной. Но и вполне русскими они чаще всего не являются. Любя Пушкина и Москву, они, как правило, не чувствуют трепета при звуках старинных свадебных песен или при виде “деревянной, дальней” деревеньки; да и в ментальности, часто неосознанно, сочетают русское с полузабытым “своим”. Для таких людей

Великая Отечественная - своя история, но к проблемам взаимоотношений князя Игоря с половцами они могут быть вполне равнодушными (или даже равнодушно “болеть” за половцев).

Словом, мы действительно имеем дело с особой общностью, хотя стоит повторить, для многих русских, включая лучших представителей интеллигенции, различия внутри этой общности несущественны. Но последнее лишь доказывает, что между русскими и “русскоязычными” нет четкой границы: потому не правильнее ли сказать, что “русскоязычные” - не что иное, а просто более широкое понятие, чем “русские”?

Гораздо чаще слово “русскоязычные” употребляется применительно к части населения новых независимых государств, а также к стремящимся ко все большему суверенитету российских автономий. Первоначально речь шла о “русских”; националистические движения (кроме самых крайних) не отрицали наличия в своей республике проблемы русского меньшинства, но считали, что эта проблема решается просто: одни русские репатрируются “в свою Россию”, другие останутся национальным меньшинством, которому будут обеспечены все права национального меньшинства. Однако дело, как выяснилось, не только в русских, но и в “русскоязычных”. В число последних входили, наряду с русскими (практически всеми русскими), с одной стороны, мигранты, представители самых разных народов СССР - украинцы, белорусы, евреи, татары, армяне, немцы и др.; с другой стороны, значительная часть коренного населения - местные меньшинства (евреи, литовские поляки, закарпатские венгры, гагаузы, абхазы, грузинские осетины и т.п.), а иногда, особенно на Украине, в Белоруссии, в автономиях - и многие представители титульного народа. Стоит заметить, что русскоязычность при этом далеко не всегда означала отказ от национального языка. Для некоторых последний оставался родным, но в межнациональном общении они предпочитали русский.

Возникновение такой категории русскоязычных - закономерное следствие имперского характера Российского-Советского государства. О том, что империя - эта и любая другая - связана с насилием и угнетением, написано немало, особенно в последнее время. Но мало кто (исключение - некоторые авторы авторитетного издания, журнала “Век XX и мир”: Г.Гусейнов, Д.Драгуцкий, В.Цымбурский, О.Пчелинцев, Л.Сигал и др.) отметил, что империя - это еще и уничтожение границ, свобода миграции и межнациональных контактов; а для упомянутых меньшинств это и потенциальный щит против “среднедержавного” шовинизма, который зачастую страшнее великодержавного. Разумеется, эти стороны империи вступают в противоречие с насилием и великодержавностью, но об этом речь пойдет чуть дальше.

Итак, “вторые” русскоязычные - объективная реальность. И они, в гораздо большей степени, чем “первые”, неотделимы от русских в собственно России. Вместе с ними они формируют то, что иначе как новой исторической общностью не назовешь. Это - общность на “базе” русского народа, но не сводимая к нему (как водоем не сводится к воде). То, что это именно так в культурном и ментальном плане, едва ли нужно доказывать еще. Но стоит задуматься - особенно в свете “перекроечных” процессов современности

- о территориальном аспекте неотделимости и несводимости.

Для националистического мышления, основанного на традиционном понимании народа, нации, этноса, очевидно, что каждый народ имеет свою территорию. И на самом деле каждому народу соответствует его экологическое местообитание - территория, в пределах которой (но необязательно на всей этой территории) осуществляется его воспроизводство. Воспроизводство в том виде, в котором народ исторически сложился. Даже для традиционных общностей эти территории часто перекрываются друг другом. Для "новых" же подобные перекрытия - правило.

Так, для "русскоязычной" общности местообитание включает практически всю территорию империи, хотя какие-то куски ее могут быть из ее местообитания достаточно безболезненно удалены, а другие важны в большей или меньшей степени. Но уж, конечно, даже минимальные границы не совпадут с границами РФ.

Существенное и несколько неожиданное расширение этого местообитания связано с третьей группой русскоязычных. Речь идет о массовой эмиграции - прежде всего в Израиль, США и Германию. Эти "русские" (в первых двух случаях, главным образом, евреи, в третьем, немцы, но нередко и истинно русские, отбывающие, например, в США) по мере роста своих колоний все чаще сохраняют русский язык, а по мере улучшения политического климата - и связи с родиной; причем с родиной в "старых" границах, поскольку уезжали люди из "русскоязычной" страны.

Итак, общность живет. Однако вряд ли можно составить полное понятие о сущности, современных проблемах и перспективах этой общности, если мы не примем во внимание тот самый исторический продукт, который был обозначен нами в начале статьи как "советский народ".

Так или иначе, итогом революции 1917 г. было сохранение страны почти в прежних границах, но формально и фактически в другом статусе - Советского Союза - Федерации с национально-нейтральным названием. В новом государстве многое было сделано для уничтожения национальной дискриминации, для развития культур разных народов (одновременно подавлялась религия, шельмовались отдельные проявления национального - например, сионизм, но все это больше не было связано с дискриминацией, что для России уже немаловажно). Государство перестало быть Россией, а русский язык - формально государственным, хотя фактически, в силу множества объективных и субъективных причин, сохранил ведущие позиции к выгоде русского народа.

Тут мы и возвращаемся к ранее отброшенному нами понятию "советский народ". Ведь это просто иное название для той самой новой исторической

общности, которую теперь за пределами России называют "русскоязычными" и которая составляет одно целое с русскими и "русскоязычными" в самой России. Но название это более определенное и неэтноцентричное. (Иногда приходится слышать, что в СССР не только русифицировались национальные культуры, но и размывалась, "дерусифицировалась" русская. Трудно с этим спорить как с фактом, но можно спорить с его негативной оценкой. Если представители разных народов жертвовали национальным своеобразием, приобретая взамен приобщенность к культуре мирового уровня и единство с представителями других народов, то русские жертвовали лишь одним - монополией на собственную культуру. И так ли это страшно, если учесть органическую "всеядность" русской культуры, сумевшей "переварить" и еврейско-греческую религию, и западноевропейские формы искусства, и многое другое?.

Правда, многие отвергают понятие "советский" - говорят, идеологизированное... А так ли это? Советы по общепринятому определению (которое не надо ставить в зависимость от взаимоотношений нескольких государственных деятелей в августе 1991 года или в сентябре 1993-го), - всего лишь коллегиальная форма управления, отнюдь не противоречащая принципам демократии.

Но, конечно, "советское" самосознание, допуская (как и внутри любой этнической общности) широкий идеологический плюрализм, накладывало на него и определенные ограничения. Однако едва ли оправдано тотальное отрицание всего, что связано с Советской властью ("империя зла", "страшные 70 лет" и т.п.), в том числе и революции. (Точно так же можно предположить, что в Израиле, сколь бы светским и ненационалистическим он ни стал в будущем - чего мы ему от души желаем, - никогда не будут говорить о "преступной сущности" иудаизма или сионизма; можно представить себе Израиль, где в субботу ходят автобусы, но нельзя - с выходным днем не в субботу.) Признавая себя советским, приходится уважать Октябрь как событие. К которому, что ни говори, причастны и твоя страна, и твой народ, хотя это уважение ни к чему не обязывает, например, при определении путей дальнейшего развития экономики, как не обязывает навсегда к монархическому строю почитание короля-основателя страны.

Хорошо известно, что на деле Советский Союз опять превратился в Российскую Империю, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но можно утверждать, что революция не прошла даром. Выработанное благодаря ей понятие "советский народ" способно стать ключевым звеном концепции, на базе которой возможен симбиоз русских, евреев и других народов на территории бывшей империи, обеспечивающий воспроизводство всех этих народов без культурно-экологического шока.

About "Russian - speaking" and "Soviet people" (new historical community)

A.Ja.Jakobson

The concept "Russian - speaking" is considered as complex and difficult to understand. By the author's interpretation this notion includes Russian-speaking "strangers" of old Russia, Russian-speaking peoples of CIS and Russia's regions, and also Russian - speaking emigrants abroad (Russians, Germans, Jews and others). The conclusion is that "new historical community" is the total combination of Russians and "Russian - speaking" - "Soviet people". This is the key-concept on the base of which it would be possible and necessary to create symbiosis or co-operation of Russians, Jews and other peoples of the former Empire, symbiosis securing regeneration of all these peoples without cultural and ecological shock.